

Эммочка

Наталья Гарбер, 2007
Из книги «Джем» (2010)

*Кантри-поп певице Тейлор Свифт,
самой высокооплачиваемой знаменитости
Планеты 2016 года,
чей ролик в балетной пачке “Shake it off” с
августа 2014 года по конец 2017
получил 2,4+ млрд просмотров и 6+ млн
лайков, посвящается*

Как и положено у балетных, Эммочка в 30 лет ушла из Большого театра на пенсию. Карьеры и славы она не снискала, протанцевав все свои лучшие годы в кордебалете второго состава. Дело было в 1977 году, который впоследствии назовут пиком застоя: жизнь в стране была затхлой, но относительно благополучной.

Получив массу свободного времени, она стала мечтать о семье и романтике, и в ее жизни возник Жорж – почти широко известный поэт чуть моложе ее годами, мечтательный и одновременно хваткий. Его печатали достаточно часто и хорошо, он подрабатывал переводами с французского и в порыве самолюбования иногда сравнивал себя с Пастернаком или Артюром Рембо.

Эмма сблизилась с Жоржем достаточно быстро, чтобы не упустить выгодного жениха и интересного мужчину, и достаточно медленно и романтично, чтобы не показаться навязчивой и неразборчивой. Ко времени, когда пора стало делать предложение, Жоржу предложили (или он сам вовремя себя предложил) отличный зарубежный контракт – на несколько лет, в Париж. Это была преотличная карьерная ступень, но надо было преодолеть еще ряд препон: во-первых, доказать, что он подходит, во-вторых, обойти конкурентов, а, в-третьих, жениться: за рубеж холостяков не пускали.

Жорж рассказал Эмме о Париже в тот же день, что перспектива нарисовалась – не мог удержаться от мечтаний, и вылил на нее потоки французской речи, вздохов и рассказов, из которых она поняла главное: сейчас решается ее судьба. Эмма горячо поддержала возлюбленного и прозрачно намекнула, что тоже очень любит Париж, а брак ее уже не страшит, ибо карьера позади и она может отдаться семье. И тут Жорж как-то запнулся, перевел тему и... вскоре быстро ушел. Эммочка занервничала, но решила, что у Жоржа традиционный мандраж заядлого холостяка и надо дать ему время, а потом вернуться к теме. В любом случае, он слишком хотел в Париж – это должно было перевесить страх перед женитьбой.

Она начала учить французский и пригласила Жоржа в Большой на выступление заезжих знаменитостей (билеты были дорогие, но Эммочка сказала, что ей «принесли»). К спектаклю она оделась во все лучшее, сделала прическу у дорогого парикмахера и навела умелый макияж. Жорж балет смотрел внимательно, а на нее – слегка рассеянно, что Эммочку насторожило. После балета она повела речь о том, что герой балета упустил бы свое счастье, если б вовремя не решился признаться возлюбленной в своих чувствах. И добавила, что зрелому мужчине брак только прибавляет прелестей жизни и здоровья, что жена – это друг и соратник, а предложение надо делать, когда влюбленные знакомы достаточно, но не слишком долго, ну, например, полгода или год (Эммочка встретила Жоржа семь с небольшим месяцев назад). А если жена еще и умеет себя подать (тут Эммочка сделала многозначительную паузу и изящно улыбнулась), то поэту его уровня будет легче делать карьеру с женой, чем не без нее.

Жорж все это слушал внимательно, но тревожно. Сказал, что полностью согласен, но плохо себя чувствует и просит его извинить – он проводит ее только до такси. Оплатил такси и, помахав ей рукой, исчез. Дальше события развивались стремительно: Жорж

перестал звонить, Эммочка пересилила себя и через пару недель позвонила ему сама, найдя благовидный предлог. Поэт был любезен, но намеки на свидание пропустил мимо ушей, сказал, что очень, очень занят в связи с Парижем и обязательно расскажет ей, когда все разъяснится, а пока – пока. Эммочка опустила трубку и вдруг как-то потухла. Постояла перед ростовым зеркалом в прихожей, посмотрела на свою прекрасную фигуру и еще вполне юное лицо – и заплакала.

Через месяц от друзей она узнала, что Жорж женится на подруге детства, которую ему порекомендовала мама, и уезжает в Париж с молодой. Эммочка шестым чувством уже поняла, что как-то так все и будет, но известие подорвало ее чувство собственного достоинства больше, чем она ожидала. Она подумала вернуться на сцену – пошла в музыкальный театр, вошла в фойе, огляделась – и вышла. Театр с его сплетнями, тяжелым трудом, грызней за первые роли, истериками примадонн, постельными историями и спектаклями, которые идут годами, одно и то же, одно и то же, ей опостылел.

Она пошла в Филевский парк недалеко от дома, села на скамеечку и всплакнула. Проплакавшись, Эммочка стала созерцать осень и постепенно успокоилась. К ней под села мама с маленькой девочкой лет пяти. Эммочка профессиональным взглядом окинула фигуру малышки и неожиданно для самой себя сказала:

– Ваша дочь могла бы преуспеть в балете.

– Да? – заинтересовалась мать, – но ведь это очень тяжелая работа. Потом оглядела тонкую Эммочкину фигуру и наконец догадалась: Вы, наверное, балерина?

– Да, сказала Эммочка. О пенсии она решила не говорить.

Девочка заинтересовалась разговором и присела около Эммочки. Ее мать выразительно вздохнула, и собралась уже было спрашивать, понятное дело, где Эммочка танцует. И тут Эммочку вдруг обуяло вдохновение и она стала рассказывать, сама себе удивляясь: про партию Одетты, про Джульетту, про па-де-де и все остальное, что знала она на зубок и что теперь казалось ей прекрасным, ибо было недоступно, как Жорж и Париж. Само собой, она подала себя как актрису вторых ролей, но уж точно не кордебалета. Затем разошлась и добавила историй о своих несуществовавших романах и поездках за границу, о которых слышала за кулисами и от Жоржа, и много еще всего. Для несведущих в балетном деле людей вышло очень складно. Мать и дочь слушали, открыв рты. Когда Эммочка исчерпала свое воображение и закончила, мать девочки вздохнула и сказала: но ведь у балерин такой короткий век – в тридцать на пенсию, а дальше что?

– А что интересного ей светит, если она станет инженером или бухгалтером? – парировала Эммочка.

– Да, вы правы, – сказала собеседница и задумалась.

Эммочка вдруг почувствовала себя легкой, как перышко, и свободной. Она изящно встала, сделала реверанс, сказала, что ей пора, и пошла прочь походкой, в которой ясно читался уход за кулисы в «Лебедином озере».

Она пришла домой и посчитала, что пенсия позволяет ей жить небогато, но свободно. Вспомнила про девочку в парке и пошла преподавать в хореографическое училище недалеко от дома, в котором начинала когда-то танцевать. Старшие дети ее утомляли, а вот маленькие понравились. Не имея своих деток, Эммочка какое-то время с удовольствием занималась чужими, ограничившись малышкой и постепенно теряя балетную квалификацию, но приобретая педагогическую. Она не блистала, но и не создавала проблем, ни с кем не сближалась и вела себя скромно. В свободное время ходила в лес, общалась с немногочисленными подругами, читала книги, на которые не было времени до пенсии, слушала музыку в зале Чайковского, и иногда ходила на оперу в Большой. Балет на сцене она смотрела редко и только по работе, если малышам нужно было что-то объяснить.

Так прошло лет десять, и тут в стране разразилась Перестройка. Пенсии и денег за уроки стало катастрофически не хватать, на улице стреляли и ездили на «Мерседесах», цены все время куда-то ползли, продуктов не было, хорошие исполнители стаями

потянулись за рубеж, кризис следовал за кризисом. Открылись частные школы, но Эммочку туда не взяли – старовата, молодые и горячие подросли и заняли все места. На голодный желудок Эммочка вспомнила, что у нее идеальная грамотность, терпеливо проштудировала учебники и дала объявление об уроках русского языка: «педагог со стажем для младших классов». Постепенно у нее сложился круг туповатых, но надежных учеников, которые приводили других учеников – это кормило и давало относительную свободу.

Тем временем в стране стало непонятно что твориться с властью, по Белому дому стреляли, интеллигенция занялась всем, вплоть до самогонования, семьи трещали по швам под напором стресса, многим мужьям бес ударил в ребро, и половина Эммочкиных подруг остались в одиночестве. Это сблизило их, но Эммочка, которая давно поставила крест на личном счастье, слушать слезы и ругательства про неверных мужей не захотела, так что круг общения уменьшился.

Культурная и концертная жизнь, в которой Эммочка черпала силы и поддержку, стремительно затихала, опустошенная эмиграцией оркестрантов и общим упадком, так что помощи ей стало ждать неоткуда, и Эммочка зачастила в церковь. Там ей, впрочем, не очень понравилось, и она ни с кем из прихожан и служителей не общалась – приходила, молилась об облегчении участи, и уходила. На душе становилось легче. Только она пришла в себя, и жизнь как-то наладилась, как летом 1998 грянул дефолт. Все бегали, как ошпаренные, но Эммочка ничего не потеряла, ибо ничего не имела.

Цены опять взвинтились, ученики разбежались, и Эммочка вняла совету одной из двух оставшихся подруг – та недавно разошлась с мужем, получила от него небольшого отступного, работала бухгалтером в какой-то крепко держащейся на ногах компьютерной конторе и искала себе надежное жилье под съем, где-то на год. Они сошлись на цене, которую никто из чужих бы не дал, Эммочка сдала ей свою однокомнатную квартиру и уехала к вдовой тетке этой самой подруги в зимний дачный домик: у тетки Веры был огород и свободная комната. И ей нужна была рабочая сила.

Эммочка набрала с собой книг и теплой одежды, и быстро переехала. Поначалу ей в деревне показалось грязновато, но красиво – была золотая осень. Однообразной работы после балетного станка Эммочка не боялась, а жить было не голодно: молоко от коровы, картошка-свекла своя, соленья-варенья лесные. За комнату, чистенькую и уютную, старушка денег не брала, в доме была горячая вода и туалет, а когда сбор и обработка урожая закончились, они с бабушкой Верой были уже родные люди.

Снег выпал рано, мороз прихватил землю, и грязной осени в тот год не случилось – сразу чистенькая и веселая зима. Подруга исправно слала Эммочке деньги, которых для жизни в деревне было даже многовато, а Эммочка раз в месяц снимала их в сберкассе. Так что им с бабушкой Верой хватало на жизнь, которую по тем временам можно было назвать роскошной. В ту зиму Эммочка очень много читала, потому что зимой в деревне скучно и делать больше нечего, а в телевизоре показывали ерунду и чернуху.

Среди книг, захваченных из дому, оказалась пара учебников французского языка и сборников французских поэтов, оставшихся с тех времен, когда за ней ухаживал Жорж. Все это теперь было страшно далеко, она даже с трудом вспомнила лицо Жоржа и вдруг поняла, что в Париже тосковала бы около него и не знала, куда себя деть. Не связанная необходимостью любить французский за то, что им разговаривает Жорж, она вдруг увлеклась. Ей сорок один год, голова ясная, память отличная, будущее обеспечено подругой как минимум до весны, а там, Бог даст, в стране все наладится – ведь тем, кто наверху, тоже хочется спокойной жизни.

А пока, она выучит французский, потому что ей нравится. Она съездила в Москву, купила аудиокурс, повидала свою квартирку – подруга содержала жилье в относительной чистоте и неприкосновенности: ничего не пропало, на кухне была всего одна грязная кастрюля, пол вымыт, следы разгула отсутствовали. Эммочка обрадовалась, переночевала

на диванчике, наутро поняла, что скучает по бабушке Вере и чистому снегу, и уехала в деревню с легким сердцем и стареньким магнитофоном в сумке.

За зиму она выучила французский и даже оказалась способна понимать французскую поэзию – в аудиокурсе оказались хорошие записи. Эммочка воображала себя уездной барышней Пушкинских времен, в шутку стала иногда говорить в нос и смешила бабушку Веру французскими цитатами.

К апрелю в деревне стало грязно и не до французского: Эммочка с бабушкой Верой целый день возились с огородом, сил больше не было ни на что. По всем приметам лето обещало быть жаркими, так что Эммочка решила, что до осени она еще здесь побудет – летом можно будет валяться у речки с книжкой, работы будет немного, а французский осталось доучить совсем чуть-чуть – она дошла уже до конца учебника и аудиокурса.

В начале июня заехала подруга, привезла гостинцев и рассказала новости: за зиму она нашла себе состоятельного бой-френда, скоро летит с ним в отпуск. До осени, раз Эммочка прижилась в деревне, подруга не будет торопить события, но не позднее зимы хочет съехала жить к приятелю. Эммочка спросила, как там в городе: нормально, сказала подруга – в магазинах появилась нормальная еда, на улицах повеселели лица, жизнь налаживается. Эммочка продемонстрировала подруге свой французский и попросила похлопотать, вдруг найдется работа переводческая или еще какая-то, с языком. Подруга обещала, но на всякий случай сказала, что – сама понимаешь – с работой сейчас туго, но я попробую. На том и порешили.

Подруга уехала, Эммочка осталась с бабушкой Верой, лето пролетело незаметно, а в середине августа подруга действительно съехала к приятелю. Эммочке же нужно было что-то решать со своей судьбой – на пенсию не проживешь, в деревне скучно, не вечно ж французский учить, да и сдавать квартиру чужим не хотелось, а запасов с денег, что остались от сдачи квартиры, хватит ненадолго. Подруга присоветовала Эммочке сходить в переводческую контору: авось, получится. Эммочка пошла в одну, другую – не взяли, потребовали высшее образование. В третьей она умолила дать ей тест, она перевела небольшой кусочек текста с листа, работодатель прочел... и остался доволен.

Ей положили небольшую ставку, дали много работы, и жизнь ее вошла в колею. Утром она вставала, пила кофе и садилась переводить. Все шло ровно, первую зарплату она даже отметила в кафе с подругой и ее новым кавалером.

Кавалер послушал про Эммочкины дела и сказал: к нам через неделю на несколько дней приезжает француз, представитель партнеров. На переговоры ему компания дает оплаченного синхрониста, но гость хочет еще и посмотреть столицу. Он прижимист и за сопровождение в свое свободное время платить по высоким расценкам корпоративного синхрониста не хочет. Французу хорошо за пятьдесят, но он молодо выглядит, умен и остроумен. Ему бы очень подошла дама-переводчик, которая была бы готова сопровождать его по городу, в концерты и вообще поводить по Москве. Экскурсии его не интересуют, особых требований к языку у него нет – виды его волнуют больше разговоров. Человек он степенный, самостоятельный, вдовец с нежно любимой дочерью. Сомнительных походов не ищет, образ достойного отца для него – корпоративная и личная необходимость. Хотел бы просто с интересом и приятно провести время в столице. Компания искала ему сопровождение, но те, кто готов, оказались недостаточно хороши, а те, кто подошел, – слишком дороги или ненадежны.

Ладно, сказала Эммочка. Подругин кавалер сказал, что торговлю возьмет на себя, но что выйдет, то выйдет – уж не взыщите. Не взыщу, улыбнулась Эммочка и через неделю по телефону услышала сумму, за которую в своей переводческой конторе она бы работала месяц с небольшим. Ее познакомили с французом, она ему понравилась, он ей тоже – спокойный, представительный, галантный. Билеты в театр и прочие расходы для дамы француз взял на себя, деньги за сопровождение заплатил наполовину вперед, остальное обещал по завершении. Кавалер подруги шепнул ей, что француз не обманет. Ей предстояло отличное и безопасное развлечение.

Эммочка составила программу вечерних развлечений. Днем Жак занимался делами, она переводила. Вечером гуляли по городу, сходили в Консерваторию, затем – в Большой театр, где она покрасовалась перед старыми знакомыми. Поужинали пару раз в отличных, хоть и не самых дорогих ресторанах, разговорились. В последний день Жак вдруг сказал: а пойдемте в какой-нибудь парк, сейчас золотая осень, так красиво – у меня есть целое утро до самолета, и мы, наконец, на прощанье пообщаемся при свете дня.

Хорошо, сказала Эммочка и повезла его в Филевский парк недалеко от своего дома. Все было и вправду очень красиво, листья алели, желтели и горели, лес выглядел как декорация к балету. Они сели на скамеечке, беседуя о том о сем. Мимо прошла женщина лет двадцати пяти с коляской, краем глаза Эммочка отметила балетную выправку. Женщина взглянула на сидящих, остановилась и приблизилась сбоку. «Да?» – вопросительно взглянула на нее Эммочка. Гостья улыбнулась и вдруг присела в реверансе.

– Вы балерина, деточка? – спросила Эммочка.

– Да, и вы когда-то в этом парке посоветовали моей матери отдать меня в балетное.

– И где вы танцевали?

– В антрепризе, потом в ансамбле фламенко. А потом – замуж и вот, катаю коляску.

– Жалеете?

– О карьере – нет, я очень любила балет и сцену, даже сохранила несколько подруг из училища. И о замужестве – тоже нет, я люблю мужа и дочь.

Жак заинтересованно слушал незнакомую речь. Эммочка перевела ему суть истории, он заулыбался, сказал, что у него дочь тех же лет, что и дама с коляской, и спросил, какую судьбу она прочит малышке? Эммочка перевела женщине вопрос.

– Надеюсь, нам с ней тоже встретится какая-нибудь добрая фея и подскажет, чего бы хотелось моей Катечке. Но не буду вам мешать.

– О, нет, мне было приятно с вами повидаться!

– И мне. Я бы, если вы не против, встретилась с вами еще – возня с малышкой чудесна, но в это время так не хватает общества.

– О да, конечно, – сказала Эммочка и дала свой телефон. Молодая мать покатила коляску, а Жак попросил рассказать ему историю Эммочкиной жизни. Она задумалась – ей пятьдесят один, а чего такого она может поведать. И рассказала все, как было. Жак слушал внимательней, чем обычно, всплескивал руками, очень заинтересовался бытом русской деревни, а когда она закончила, сказал: я вернусь домой и пришлю вам приглашение, вы приедете – и моя дочь покажет вам Париж. Она понимает искусство и любит жизнь. Как и вы.